
Философия между наукой и религией

А.А. ГУСЕЙНОВ

Философия как наиболее абстрактная наука находится на пределе знания. Отсюда – попытки выразить ее специфику через обозначение того, чем она не является. Ведь, как установил еще Парменид, “отрицательные определения подобают началам и границам” [Фрагменты 1989, 278]. При рассмотрении предметности философии исключительно трудной и важной задачей является проведение демаркационных линий между нею и наукой, а также между нею и религией и теологией. Бертран Рассел назвал философию ничейной землей, расположенной между наукой и теологией и “подвергающейся атакам с обеих сторон” [Рассел 2002, 6]. Это утверждение – больше, чем яркий образ, обходящий трудность определения философии. Оно выражает также существо дела, состоящее в том, что философия имеет двуединую природу: одной частью она родственна науке, другой частью – религии. Она апеллирует к разуму, является особого рода знанием о мире, и это роднит ее с наукой. И в то же время философия есть особого рода отношение к действительности, образ жизни, убеждение, верование, она занимается аксиологическими проблемами, которые суть скорее дело выбора, чем знаний, и это роднит ее с религией и теологией.

1. Многообразие определений философии распределяется между двумя выделенными выше крайностями, упираясь, с одной стороны, в науку, а с другой – в религию. Как пишет В.С. Соловьев, “прежде всего мы встречаемся с двумя главными, равно друг от друга отличающимися понятиями о философии: по первому философия есть *только* теория, есть дело *только* школы; по второму она есть более чем теория, есть преимущественно дело жизни, а потом уже школы. По первому понятию философия относится исключительно к познавательной способности человека; по второму она отвечает также и высшим стремлениям человеческой воли, и высшим идеалам человеческого чувства” [Соловьев 1988, 179]. Сам Соловьев исходил из идеала целостного человека в единстве его познавательных, волевых и эмоциональных способностей, а также из идеала цельного знания в единстве его теоретических, нравственных и эстетических аспектов. Отвлекаясь от конкретных учений Соловьева, следует признать, что он, несомненно, прав в одном: специфичным для философии, для понимания ее своеобразия является не познавательно-теоретическое отношение к миру и не практически-ценностное отношение к нему, а их единство, связь, синтез. Поиск адекватных форм такой связи составляет собственное дело философии, ее основное усилие, которое отличает ее от ближайших соседей – науки и религии – и определяет характер отношения к ним.

Одним из труднейших и, быть может, самым неприятным из вопросов, которые обращены к человеку, профессионально занятому в области философии, является вопрос о том, для чего нужна философия.

Обычный и наиболее убедительный ответ состоит в том, что философия учит правильно (логически строго, методически последовательно, критически и т.д.) мыслить. Его предпочитают те специалисты, которые понимают философию как род познания. Философы-моралисты добавляют к этому, что философия учит достойно жить, задает правильный порядок ценностей. Оба эти утверждения верны, но не специфичны.

Философия, конечно, учит правильно мыслить. Она даже определяется некоторыми авторами как мысль о мысли. Однако правильно мыслить учит не только философия. Скажем, наряду с философской логикой существует еще математическая логика. Кроме того, каждая наука является своей собственной школой мысли и чаще всего обходится без прямой опоры на философию.

Далее, философия непременно включает в свое содержание этику и доводит свое понимание мира до формулирования (а часто и культивирования) этико-нормативных программ деятельности. Она имеет претензии учить правильной жизни. Но не одна философия учит правильной жизни. Есть еще религиозная этика, в первую очередь она. Есть еще то, что называется прикладной этикой. Есть традиционно складывающиеся и поддерживаемые обычаем каноны поведения. Существуют и другие факторы, которые формируют привычные представления и поведенческие схемы того, что считается правильной, достойной жизнью. Голос философии в данном случае не является ни исключительным, ни привилегированным.

Специфика философии заключается не в том, что она исследует канон мышления. И не в том, что она формулирует программу достойной жизни. Она состоит в соединении одного с другим. Философию интересует такое знание о человеке, которое может быть трансформировано в его поведение, еще точнее: которое может иметь для него прямой жизненаправляющий смысл. Философия имеет дело с нравственным, ценностным содержанием человеческой жизни, но только в той мере, в какой оно может быть разумно осмыслено и рационально аргументировано, в какой оно связано с ориентированным на истину познанием и вытекает из него. В предметное поле философии входят и изначально-объективные и конечно-целевые основы бытия, но и то и другое только в аспекте разумно-ответственного существования человека и в качестве моментов такого существования. Скажем, начальными основами мира занимаются и частные науки, когда, например, они исследуют происхождение вселенной или генетические основы живого. Философов в отличие от них интересует не вообще мир, а “умное место” в нем, такие первоосновы бытия, которые могут быть только помыслены и нацеленности на которые составляет единственную достойную основу разумного способа поведения. Что касается конечных целей человека, в особенности вопросов о его посмертной судьбе, то они составляют сферу особого интереса религии. Философия же рассматривает их в той мере, в какой они зависят от собственных, обусловленных истинными знаниями суждений и действий самого человека. Словом, располагаясь между наукой и религией, философия соединяет начальные основы сущего, которые открываются в познании, с конечными целями человеческого существования, которые формируются в качестве нормативной программы.

2. Считается, что слово “философия” придумал Пифагор для обозначения того дела, которое именуется так вплоть до настоящего времени. Себя он назвал философом (любителем мудрости) или лучше сказать: всего лишь философом в отличие от тех, кого прозвали мудрецами (Семи Мудрецов). И к нему же восходит ставшее классическим выделение трех образов жизни – чувственного, практического и созерцательного. По мнению Пифагора, созерцательный образ жизни свойствен философов, в силу чего они являются людьми самыми счастливыми. Философия возникла не просто как новый род занятий. Она несла с собой новое понимание жизни, новый порядок ценностей. Философско-созерцательный образ жизни не был тождествен бездеятельности. Он был связан с утверждением особой – мыслительной, познавательной, теоретической – формы деятельности.

Философия рассматривала в качестве самоценной формы жизни такое деятельное существование, которое основано на правильных суждениях и может быть оправдано перед разумом. Это было общее убеждение всей античной философии, а не только ее отдельной школы, связанной с именем Сократа, хотя в ней оно получило наиболее последовательное выражение. Оно было свойственно и Аристотелю, и Эпикуру, и стоикам. Даже школы этического гедонизма, хотя и на свой особый манер, признавали самоценность философии. Философия связывала божественную мудрость в ее максимально возможной для человека степени с активностью разума и как источника истинных знаний и как руководящего начала в системе мотивов деятельности.

Древние расчленили философию на физику, этику и логику. Это не только три части (аспекта) философии; они представляют собой также три вехи ее античной истории. Античная философия началась как натурфилософия, получила развитие как полисная этика и завершилась как логика. Соответственно этим содержательным акцентам менялись также доминанты философски совершенного образа жизни: первоначально он отождествлялся с натурфилософским знанием, затем, начиная с софистов и Сократа, – с разумной организацией жизни в форме совершенного полиса, а в послеаристотелевской философии – с философской мудростью в собственном смысле слова.

С точки зрения понимания сути античной философии и ее особого места в жизни человека неоплатонизм является особенно показательным. В случае Плотина сама философия выступает в качестве совершенной человеческой практики. Речь шла уже не о том, что совершенство достигается через посредство философии, а в том, что она, философия, сама и есть воплощение совершенства, счастье в его высшей форме. Счастье, считает Плотин, нельзя связывать с публичной деятельностью, вообще с поступками. Оно “порождается” деятельностью души, суть которой – мышление; именно оттуда и возникает счастье” [Плотин 1996, 30]. Плотин предлагает свою философию в качестве пути к счастью. Теперь уже ясно, что нужно делать, чтобы достичь божественных высот, – нужно стать философом в платиновском значении и содержании этого термина. Созданная Платином картина мира включала в себя его философию в качестве вершины, единственного нравственно достойного способа существования. Тем самым философия постулировала себя в качестве самодовлеющего занятия. Она потеряла интерес к миру хотя бы как к базису, делающему возможным ее собственное существование.

3. Постантичное развитие философии, оформившееся в особый этап, получивший впоследствии название средневекового, существенным образом связано с религией и теологией. Отношение между ними в целом характеризуется формулой, согласно которой философия оказалась в подчинении у теологии. Если даже не соглашаться с широко принятой, выработанной еще в средневековье квалификацией философии как служанки богословия, несомненным является то обстоятельство, что в отношениях между ними в ту эпоху на первом месте стояло именно богословие, а философия была от него зависима. Философия стала религиозной. Она разворачивала своё содержание в рамках священного писания, признание истинности которого считалось условием адекватного философского познания.

Возникает вопрос: почему философия попала в услужение теологии? Обычно, когда говорят о соотношении философии и теологии в рамках христианства, обращают внимание на то, что теология нуждалась в услугах философии для того, чтобы дополнить веру знанием, перевести христианские откровения на научно-доказательный язык и тем самым более прочно, надёжно закрепить их в общественном сознании. Это объясняет, зачем теологии и церкви понадобилась философия. Ну, а философия – она-то зачем согласилась на такую роль? Поставив знания на службу религиозной вере, не изменила ли она сама себе? В действительности у философии были свои собственные причины для того, чтобы находиться в пристяжке с теологией, принять отведенную ей служебную роль. Античная философия умерла своей естественной смертью. Эдикт Юстиниана от 529 г. о закрытии Афинской Академии был лишь констатацией этого факта.

Философия подписала себе приговор тем, что отказалась от своего предназначения быть школой мудрости, освещать знанием путь к нравственно достойной жизни. Она ос-

талась без собственного предмета и без внимания со стороны общества, даже без того внимания, которое приобретает форму насмешки. Постантичная философия, следовательно, была возможна только в той мере, в какой она была способна предложить новую общезначимую утопию, другое понимание мудрости и пути к ней. Философия не смогла решить эту проблему собственными средствами. Недостающее ей смысложизненное начало философия нашла в христианской религии. Точнее даже сказать, не она нашла, а ее нашли. Средневековый симбиоз философии и религии сложился прежде всего как движение со стороны религии, точнее говоря, со стороны церкви, которая оформилась и как вероучение и как религиозный институт и которая тем самым распространила свою власть также на интеллектуальную сферу.

Христианская религия с её утопией посмертного воздаяния и райского счастья оказалась для философии спасительной. Последняя нашла в ней точку приложения и смысл своих познавательных устремлений. Через церковь философия вышла из самоизоляции, вернулась в общество в качестве жизненно значимой интеллектуальной силы. Поэтому не совсем точным, по крайней мере, неполным является утверждение, что философия находилась в услужении у теологии. Она действовала в паре с ней. В рамках средневекового мышления теология была утопическим продолжением философии. Теология взяла на себя ответственность за всю ту проблематику, которая определяла моральный пафос и высшее моральное предназначение философии, оставив на долю последней ее интеллектуальное обслуживание. С некоторым огрублением можно сказать: вопросы о смысле и целях деятельности, задающих перспективу человеческого бессмертия, стали компетенцией теологии, вопросы о доступных человеку средствах их достижения – компетенцией философии. Если исходить из античного представления о трёхчастной структуре философии, то метафизика и этика попали в преимущественное ведение теологии (исследовательские перспективы философии были здесь жёстко и прямо ограничены догмами религии), а логика стала почти синонимом философии. Философ предстал в качестве схоласта.

Взаимоотношения философии и теологии в средневековом мышлении, разумеется, не ограничиваются тем, что сказано выше. Они были намного богаче. Мы подчёркиваем лишь один и весьма существенный момент: философия в системе общественного сознания европейского средневековья заняла иное место, чем это было в античную эпоху, и это решающим образом зависело от того, какую роль она играла в удовлетворении тех духовных запросов людей, которые связаны с высшими целями и ценностями, поисками совершенных форм жизни. Если в античности философ предстал в качестве человека, блаженствующего в равном самому себе состоянии духа, будь то первая эвдемония Аристотеля, атараксия Эпикура, апатия стоиков, – то теперь он явился в образе ученого схоласта.

4. Философия Нового времени ориентирована на рациональность, на познание природы, эксперимент, она выступает по преимуществу как научная методология. Её новый статус определяется тем, что если в прежнюю эпоху она работала в паре с теологией, то теперь – в теснейшем союзе с наукой. Еще более существенно то, что совершенно иным стал сам характер связи философии с наукой по сравнению с тем, чем была ее связь с религией и теологией. Религия и теология возникают и существуют по своим законам, мало зависящим от философии: кто бы и как бы ни доказывал, что античная философия содержала в себе предпосылки монотеизма, вела к нему, несомненным фактом является то, что ни Моисей, ни Иисус Христос никакого отношения к античной философии не имели, первый жил намного раньше, чем возникла греческая философия, а второй остался в стороне от нее до такой степени, что даже не слышал о ее существовании. Что же касается науки, то она возникает через посредство философии и в некоторых своих существенных частях из самой философии. Многие выдающиеся философы этой эпохи были также выдающимися учеными, а ученые очень долго именовали свои исследования философскими.

Философия стояла у истоков современной науки, явилась ее теоретической санкцией и духовным базисом. Она, во-первых, обосновала идею, согласно которой природа является последней реальностью в том смысле, что содержит свою причину в себе и подчиняется неизменным (никем не отменяемым) законам. Во-вторых, сформулировала идею научного метода как всеобщего пути к знанию – пути, доступного всем людям, поскольку они

обладают разумом. В-третьих, наметила перспективу общественного прогресса, способного не просто решить экономические и социальные проблемы, а придать жизни научно организованную форму, реализующую неограниченные возможности человека. Словом, философия подняла науку на уровень деятельности, способной реализовать смысложизненные цели человека в их этически предельной завершенности. Если иметь в виду философский образ науки, место, которое последняя не без помощи философии заняла в системе человеческой жизнедеятельности, то можно сказать так: наука стала этико-аксиологическим продолжением философии, подобно тому как в предшествующую эпоху таким ее продолжением являлись религия и теология.

5. Философия Нового времени начинается с убеждения в *освободительной силе знаний*. Ф. Бэкон, один из её родоначальников, написал “Новый органон”, который в отличие от старого (аристотелевского) органона, вдохновлявшего средневековую схоластику, ориентировал на познание природы, опытную науку. И он же написал “Новую Атлантиду”, изображающую счастливую страну, где люди благодарствуют благодаря тому, что они через науку овладели силами природы. И когда Маркс в своем знаменитом одиннадцатом тезисе о Фейербахе провозглашает: “Философы лишь различным образом объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы изменить его”, то он говорит ту простую вещь, что наступил час воплощения идеалов философии. Изменение мира, которое приводит его к идеальному, совершенному состоянию, как раз и было этической сверхзадачей научно ориентированной философии.

Переход к Новому времени озарен коммунистическими утопиями, свойственный ему прогресс вдохновлен идеалом Просвещения. Конец Нового времени, если считать таковым XX век, получил отражение (подчеркнем особо: почти реалистическое отражение) в антиутопиях. Ирония истории заключается в том, что именно утопические идеалы, воплотившиеся в действительность, обернулись антиутопией. Несомненный и философски значимый факт заключается в следующем. Новоевропейская цивилизация достигла колоссальных, просто фантастических успехов в овладении силами природы, умножении производительных сил общества, материальном благоустройстве жизни, таких успехов, которые превзошли все ожидания прошлого. Но это не сделало людей счастливыми. Успехи научного разума не трансформировались в разумность человеческого общежития. Материальный прогресс не привел к преодолению социальных конфликтов и духовно-нравственных деструкций. Словом, ставка философии на достижение совершенного состояния человека и общества через научно-технические успехи, рационально обоснованное преобразование внешних условий жизни, эта ставка оказалась битой.

Наука и техника достигли невероятных успехов, их будущие успехи наверняка окажутся еще более грандиозными. Наука и техника могут многое, очень многое, но они не спасут мир – вот истина, с которой столкнулась сегодня философия и которую она начинает осознавать как свой печальный исторический урок. Делез и Гваттари в своей работе “Что такое философия?” пишут о том, что “философия и наука идут противоположными путями” [Делез, Гваттари 1998, 162]. В такой резкой форме данное положение вряд ли можно принять, но значительная доля истины в нем есть. Философия начинает осознавать, что она не может свою нравственную, духовно-освободительную миссию переложить на науку.

6. Философия в настоящее время вновь оказалась на распутье, и связано это с необходимостью найти новую основу для соединения двух ее важнейших аспектов – познавательного и аксиологического. Если средневековый опыт союза философии и теологии закончился осознанием того, что решение этико-аксиологических проблем не может быть делом одной веры и требует опоры на твердые знания и активную миропреобразовательную деятельность, то развитие философии в опоре и теснейшем союзе с наукой в Новое время привело к выводу, что такого решения нельзя добиться также и в рамках и средствами одного лишь познавательно-технологического прогресса. Об этих исторических шахах философии из одной – религиозной – крайности в другую – научную – хорошо сказал наблюдательный О. Шпенглер: “Некогда философия была служанкой наипотустороннейшей религиозности, теперь же возникает такое ощущение, что философия желала

бы быть наукой, а именно критикой познания, критикой природы, критикой ценности... философия зависает между религией и специальной дисциплиной, и оказывается в каждом случае определенной по-разному, в зависимости от того, имеет ли автор в себе что-то от святителя и провидца или же является чистым специалистом и техником мышления” [Шпенглер 1998, 319].

Философ – не чистый специалист. И философ – не священник. Философия, конечно, не может не опираться на науку, не отталкиваться от ее твердой почвы. Но она тем не менее не наука, а если и наука, то в каком-то особом (широком, переносном, одной ей свойственном) смысле. Философия не может не двигаться, не подниматься в направлении, где она неизбежно упирается в религию. Но она при этом, разумеется, не может стать религией. Если философия не может быть наукой, так как она движется в направлении религии, то она не может быть религией, так как основывается на научном познании. Были философские учения, которые осознавали себя в качестве научных, тем не менее они не были таковыми – им недоставало для этого необходимой для науки фактичности и достоверности. Были философские учения, которые именуются религиозными, но и они в строгом смысле слова не являются религиозными, ибо им недостает необходимой для религии парадоксальности, тайны, чуда. Если говорить не об обозначении, а о существе дела, философия не может быть ни научной, ни религиозной. Она может (и должна!) быть философской.

Философия потому и является философией, что она работает в промежутке между фактами науки и тайной откровения, необходимостью природы и мистикой жизни. Философия – сугубо человеческое дело. Ее назначение заключается в том, чтобы в рамках социоприродной необходимости и сквозь нее прокладывать путь к предельным высотам нравственного совершенства. Где сегодня проходит этот путь – вот вопрос, который стоит перед современной философией.

С таким диагнозом согласятся не все. Сегодняшняя картина философских поисков разнообразна. Совсем нетрудно найти специалистов, которые продолжают верить в духовный потенциал науки, связывая свои надежды с новым этапом научно-технологического развития, в частности, с перспективами усовершенствования природы человека. Другой, все более расширяющийся, особенно в нашей стране, тренд философских размышлений связан с попытками найти новые основания и аргументы для союза с теологией. Постмодернистскую линию в ее позитивной части можно понять как стремление переориентировать философию на искусство и литературу, чем в значительной мере определяются ее язык и тематика. Все эти опыты в конкретных их вариантах могут быть очень интересными, содержать ценные философские достижения и открытия. Однако как общие направления они не соответствуют тому вызову, который объективно брошен философии, и вряд ли способны вывести ее из кризиса и интеллектуального захождения.

Сегодня, на мой взгляд, философия уже не может прятаться и прикрываться наукой, теологией, искусством. Она должна явиться обществу сама по себе, в полном сознании своей исключительной ответственности. Это она сможет сделать, если вспомнит, что ответственна не просто за истину, а за такую истину, которая одновременно является долгом, обозначает достойный путь жизни. Если, оставаясь родом познания, выступит одновременно образом жизни. При этом речь идет не просто об усилении внимания к этике, а прежде всего и главным образом о моральном пафосе и предназначении философии в целом.

7. Говоря о предназначении философии, следует иметь в виду еще одну альтернативу в понимании предмета философии (наряду с альтернативой: познание – образ жизни). Она связана с субъектностью философии. Альтернативные подходы в данном вопросе состоят в том, что в одном случае философия рассматривается как общественная форма сознания, в другом – как индивидуальная.

Первый взгляд наиболее лапидарно и строго выразил Гегель, согласно которому философия есть эпоха, схваченная в мысли: “Задача философии – постичь то, *что есть*, ибо то, *что есть*, есть разум. Что же касается отдельных людей, то уже, конечно, каждый из них сын своего времени; и философия есть также время, постигнутое в мысли” [Гегель